

18+

Александр Серегин

Сказки для Элли

Терапевтические
сказки для взрослых

Александр Серегин

**Сказки для Элли.
Терапевтические
сказки для взрослых**

«Издательские решения»

Серегин А.

Сказки для Элли. Терапевтические сказки для взрослых /
А. Серегин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-599372-4

В этих сказках я собрал истории, подсмотренные у самой природы. У солнца, ветра и дождя, взрослых и детей, и, по большей части, у самого себя.

ISBN 978-5-00-599372-4

© Серегин А.
© Издательские решения

Содержание

Сказка Ветра	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Сказка Дождя	20
Пролог	20
1	21
2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сказки для Элли

Терапевтические сказки для взрослых

Александр Серегин

© Александр Серегин, 2023

ISBN 978-5-0059-9372-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка Ветра

Пролог

Эту историю рассказал мне теплый декабрьский ветер. Да, да, именно, декабрьский и, несомненно, тёплый. Оказывается, начало зимы в Барселоне очень походит на первые майские дни на моей родине. А родился я на берегу Балтийского моря, и как раз в начале мая.

Я сидел на бетонных ступенях, у подножья храма Святого Сердца, и смотрел на город, раскинувшийся внизу. Крыши крохотных домиков, кварталы и улицы, словно лоскутное одеяло укрывали берег. А море и небо, отражаясь друг в друге, были так похожи, что я не мог различить, где заканчивается одно и начинается другое. И казалось, что корабли, выходя из порта, плывут среди облаков.

Солнечные лучи ласкали стены храма и каменные парапеты убегающей вниз лестницы. Кругом было спокойно и тихо, несмотря на снующих туда-сюда туристов. И вдруг мне показалось, что не было последних двух-трёх десятков лет, и что я снова пятнадцатилетний мальчишка, а мир огромен и свеж, и случиться может всё, что угодно.

Наверное, в такие моменты, когда из груди уходит тяжесть, и душа раскрывается навстречу миру, происходят чудеса.

И вот тогда-то я и услышал шёпот ветра. Он мурлыкал и ворковал, а я прикрыл веки, убаюканный его голосом. Не полностью, а так, чтобы различать игру света и тени на собственных ресницах. А потом я увидел Искрящийся Океан.

В этот раз он был гладким и спокойным, словно зеркало. А из глубины, из-под самой толщи воды доносилось мерцание, как будто мириады маленьких острых льдинок заигрывали с лучиками лунного света. Свечение манило меня, и в то же время, пугало. Блеск казался холодным, а льдинки – хищными. В могучем спокойствии океана мне чудилась опасность.

Таким он явился мне. Но люди говорили об Искрящемся Океане разное.

Одним он виделся холодным, мрачным и надменным. Им казалось, что океан смотрит сквозь них ледяными серо-голубыми глазами. И от этого взгляда холодеет душа. Другие видели его бушующим: волны сталкивали и дробили айсберги, от чего во все стороны летели ледяные осколки. Яростно набрасывался он на прибрежные скалы, жестокий и неизменно холодный. Третьи встречали океан тихим и даже теплым. Он мерно покачивал свои воды, а от его дыхания веяло спокойной мощью и умиротворением. И каждому Искрящийся Океан казался иным, не похожим на описание другого.

Он приходил сам. Его нельзя было встретить, просто поехав куда-то. Он не был отмечен на карте. Океан сам выбирал кому и где явиться. Встретить его можно было у любого берега: у холодных скал и горячих песчаных пляжей, среди льдов и у поросших густыми травами яров. Искристый Океан сам решал, когда и к кому прийти. И только он знал причины, по которым он встречался с тем или иным человеком.

Глава 1

Снег на Рижском взморье уже начинал таять, превращая берег в покрытое серой слякотью болото с белесыми пятнами ещё крепкого наста. На одном из таких островков стояли трое – девушка и два парня.

– Думаешь, растает до апреля в этом году? – Спросила девушка, неопределённо махнув рукой куда-то в сторону моря.

– В прошлом году растаяло. – Ответил тот, что стоял рядом, и приобнял её за талию.

– А в этом?

– Если судьба – растает. – Парень притянул её к себе и попытался поцеловать.

Девушка отстранилась, и чтобы перевести тему и сгладить свой отказ, спросила:

– А ты веришь в судьбу?

– Мы сами вершим свои жизни. – С легким оттенком обиды в голосе отозвался тот.

– Верю. – Чуть слышно, словно отвечая самому себе проговорил второй молодой человек, стоящий чуть поодаль.

В этот момент его нога соскользнула с наста, и он по щиколотку провалился в грязно-серую муть. Раздался всплеск. И вместе с этим звуком до его слуха донесся еле различимый звон тысячи льдинок, словно где-то под водой зазвенели невидимые колокольчики.

Девушка вздрогнула от неожиданности, а её приятель философски заметил:

– Кажется, наша прогулка закончилась.

– Почему закончилась? – Спросил я у ветра. – Потому что тот парень промочил ноги? И что это был за звон? Это пришёл Искрящийся океан?

– Ты задаешь так много вопросов, хотя можешь просто слушать мою историю. Не спеши заглянуть за поворот, просто дойди до него. Но я отвечу тебе. Прогулка закончилась потому, что девушка больше не хотела быть с тем, который не верил в судьбу. Теперь её душа стремилась к тому, кого коснулся Океан.

– И что? Их история закончилась хорошо?

– Их история закончилась.

– Но они были счастливы вместе?

– Они научили друг друга тому, что счастливыми важно быть. А вместе или нет, это как раз не самое важное.

– Но, значит, их встреча не имела смысла?

– Как раз она и имела смысл. Они многому научились, выросли и у них родились прекрасные дети. Они выполнили свои совместные задачи и поняли, что теперь пришла пора учиться быть счастливыми. Вместе у них не получалось.

– Так на этом история заканчивается?

– Нет. На этом история только начинается. Слушай.

И ветер снова замурлыкал мне в самое ухо.

Люди, которых касается океан, больше не могут жить обычной жизнью. Иногда они знают, а чаще, просто чувствуют, что есть что-то другое, важное, и они начинают искать это что-то. Случается, что кто-то находит быстрее, а бывает, что человек ищет всю жизнь. Но так или иначе, все они устремляются в другие миры, где значимость явлений отличается от того, что принято и привычно. Их считают странными или говорят, что они «не от мира сего». Но это только потому, что они больше не могут притворяться, будто верят в лживые правила и порядки. Так они и бродят по земле, наполовину в этом мире, а на другую в скрытом; тело их в мире притворном, а голова или душа видит истинную ценность вещей и явлений. И чтобы не застрять вот так между мирами, им нужно находить других таких же людей. И они ищут.

Но тот парень, что поскользнулся на льдине, (я буду называть его Кес, раз уж он сам взял когда-то себе это имя) не знал, что нужно искать людей. Он стал искать Искрящийся океан.

Кес рассуждал так:

«Говорят, что Океан не приходит дважды к одному берегу. Впервые я встретил его на севере. Попробую-ка теперь поискать на юге».

И Кес отправился в путь. По дороге он встречал людей, заводил знакомства, и даже, казалось, приобретал друзей. Довелось Кесу встретить и пару учителей, которые открыли ему удивительные знания о мире, в котором он живет. Эти учителя видели, что Кес находится сразу в двух мирах, и кое-что знали об этом.

– Этот мир – мир парадоксов. – Говорил один. – С годами большинство людей перестают быть детьми, но не становятся взрослыми. А те, что остались детьми, обретают мудрость.

– Да, это так. – Отвечал другой. – Но стоит лишь хорошенько присмотреться к любому взрослому, и можно увидеть ребенка, которым он был. И если с ним поговорить, то и взрослый услышит тебя.

– А как? – Спрашивал Кес. – Как это сделать? Я хочу научиться видеть детей в людях и договариваться со взрослыми.

И они научили его.

Долго ли, коротко ли, Кес добрался до юга. А эта часть мира, надо сказать, умела прельстить своими дарами. Палящее солнце и прохлада тени раскидистых пальм заставляли неопытного путника впадать в негу. Нежные воды южных морей смывали воспоминания о севере. А зелёные склоны гор обещали уют и благоденствие, стоило лишь захотеть остаться здесь навсегда. И Кес захотел.

Случилось так, что Кес встретил двух больших толстых мух, которые были торговцами. Одна была чуть поменьше, изумрудно зеленая, а хитиновый панцирь второй отливал синевой. Мухи увидели, что Кес умеет говорить и договариваться с людьми, и захотели взять его на службу. А тому нужны были средства, чтобы кормить детей, оставшихся на севере.

Мухи были хитры и жадны. Когда они увидели, что Кес хорошо справляется с работой, они придумали, как не только не платить ему, но и отобрать то, что у него было. Одна муха, с изумрудной спинкой, начала вредить ему во всем, что бы он ни делал. А вторая, синяя муха, притворилась его помощником. Она пообещала помогать ему, в обмен на половину его заработка. Наедине эти торговцы посмеивались и потирали руки, готовясь поделить наживу. Они рассчитали так: если у Кеса не получится справиться со всеми бедами и напастями, которые готовила ему зелёная муха, то они заберут у него все. А если он всё-таки пройдет это испытание, то они потребуют с него половину в обмен на «помощь» синей мухи. Хороший план они придумали, и принялись за его воплощение в жизнь.

Кес работал хорошо, потому что работал не столько за барыши, сколько из любви к своему делу. А уроки учителей, которых он встретил по пути на юг, помогли ему увидеть и разгадать обман. И когда Кес почувствовал, что дело идет к развязке, он намазал прилавок торговой лавки сладкой патакой и позвал мух для расчёта. Жадные мухи не смогли обойти лавку, и набросились на угощение. А когда их лапки прилипли к прилавку, они стали жужжать и угрожать Кесу, что отнимут у него и здоровье, и навредят близким. Но Кес забрал свое и ушел от жадных торговцев, оставив их довольствоваться обществом друг друга.

По дороге из лавки он встретил человека, который шел на восток. Он узнал Кеса, так как видел его работу, пока находился в южной стороне по каким-то своим делам. Человек оказался переписчиком древних свитков из далекого храма в восточных горах. Ему понравились усердие и таланты Кеса, и он предложил тому пойти вместе.

Так Кес выучил ещё один урок: каким бы ни был твой хозяин, работай усердно. Ибо даже если он не оценит твой труд, другой увидит твои способности, и предложит работу. Может быть, она придётся тебе по душе.

Как-то раз, в один из теплых летних вечеров, когда листва шепчет тихими голосами, а небо долго не становится чёрным, путники сидели у костра и смотрели на загорающиеся звезды. Человек, которого на самом деле звали Лок, спросил у своего спутника:

– Кес, ведь тебе непросто работалось в лавке? Я знаю, что торговцы подсылали к тебе колдунов и жуликов. Первые дурманили твой ум и ломали волю, вторые подсыпали ядовитые снадобья в воду и пищу. Они шептали тебе оскорбления и ложь голосами твоих близких. Долгих два года тебя мучали и искушали разными способами. Ради чего ты все это терпел? Неужели из-за обещанных монет?

Кес посмотрел на Лока, поворожал угли в костре и неспеша заговорил:

– Я отвечу тебе, Лок, только сначала ответь и ты на мой вопрос. Ты позвал бы меня с собой, если бы думал, что всё это было ради платы?

– Нет, не позвал бы. – Серьёзно ответил тот. – А если бы и позвал, то ты в таком случае и сам бы со мной не пошёл.

– Тогда зачем ты спрашиваешь, если сам знаешь ответ?

– Я знаю, что не деньги были причиной. Но не знаю, что ею было.

Кес снова замолчал, теперь уже надолго. Затем вздохнул, и сказал:

– Когда я только прибыл на юг, я пошёл к морю, чтобы спросить у него, где искать Искристый Океан. Я стоял и ждал ответа или какого-то знака, похожего на ответ. И вдруг увидел женщину, идущую по самой кромке воды. Она была прекрасна и свежа, как воды горной реки. А когда она заговорила, мне почудился звон ручейков и пенье весенних птиц. От неё веяло ароматом полевых цветов, а лицо было ясным, словно блеск луны на ночном небе.

– Если судить по твоим словам, она либо принцесса, либо царица. – Весело сказал Лок, чуть усмехнувшись краешками глаз.

– Может быть. Но будь она самой бедной девушкой на земле, она царица моего сердца. – Кес, кажется, чуть смутился, говоря это. Вдруг в его глазах отразился пламень костра, и он заговорил уверенно и прямо. – Я полюбил эту девушку с первого взгляда. Никогда раньше я не испытывал подобных чувств. Работая в лавке, я вместил в себя океан боли, но любовь от этого не угасла, а лишь стала сильнее. Словно огонь выжег в моей груди всё, кроме этого чувства.

Кес замолк ненадолго. А когда заговорил, голос его был тихим и спокойным.

– Она попросила, или я сам пообещал ей ждать. Я не сразу разобрался, что это значит – ждать. В той ли лавке у торговцев, или здесь, с тобой, в пути. Но скажи мне, Лок, разве деньги всех торговцев со всего юга могли бы вернуть мне это время? Или те тончайшие струны, связывающие меня и моих близких, которые рвали и оскверняли жулики и чародеи?

– Нет, они этого не могут. – Был ответ.

– А разве эти деньги могут сделать человека сильнее, чтобы не сломаться под тяжестью навалившихся невзгод?

– И этого они не могут, Кес.

– Но я стал и сильнее, и, наверное, мудрее. Это сделала со мной любовь. Она давала мне дышать душными ночами, согревала в холода, остужала мой лоб в зной, очищала кровь от ядов. И ещё, я знаю, что море тогда ответило на мой вопрос. Эта женщина и есть ответ. Она и Искрящийся Океан связаны невидимой нитью. И это всё, что я пока знаю.

– И что ты собираешься делать теперь?

– Ждать. Только теперь подальше от торговых лавок. – Улыбнулся Кес и улегся у костра поудобнее. – Спокойной ночи, Лок.

– Спокойной ночи, Кес.

Глава 2

Ветер убаюкал меня, и я, кажется, задремал. Горячие ступени у подножья храма, хоть и не очень напоминали мягкую кровать, но оказались вполне удобными. А воркование рассказчика было таким уютным, что я, видимо, почувствовал себя как дома, и потому уснул. Правда, совсем ненадолго, на пару мгновений. Ведь я совсем не хотел пропустить чего-то из рассказа об Искристом Океане. Встрепенувшись, я открыл глаза и, чтобы ветер не уличил меня в невнимательности, тут же спросил:

– А почему история так странно построена? Ты столь коротко описал два долгих года, проведенных Кесом в лавке у торговцев, а один короткий разговор у костра занял добрых пол часа твоего рассказа. И почему ты не поведал об этой таинственной женщине сразу, ведь Кес встретил её еще до знакомства с мухами.

Ветер недовольно завыл. Он, как и большинство рассказчиков, не любил, когда его перебивают.

– Потому, что никто, кроме Кеса, не расскажет о его любви лучше него самого. А пока он работал в лавке, для него лучше было скрывать свои чувства, ведь жулики постоянно целились в его сердце. Что же касается краткости рассказа о мухах, так и история эта не о них. А потому, я не думаю, что им стоило бы уделять больше внимания. Они того не стоят. Так ты собираешься слушать, что было дальше, или всё-таки будешь спать?

Я виновато поджал губы и всем своим видом дал понять, что готов слушать продолжение этой удивительной истории.

Лок и Кес шли много дней, недель и месяцев. Путь их пролегал через леса и равнины, горы и речные броды. Кес увидел множество красивых удивительных мест, но также ему довелось побывать и в пустых выжженных землях, разрушенных городах и зловонных болотах. Но Лок учил его находить прекрасное даже в самых уродливых явлениях. Это было сложно, но то, что ему открывалось было поистине удивительно.

Однажды, во время ночного привала, Кес спал у тлеющего костра. Где-то за полночь его разбудил тихий голос. Сначала Кес не понял, что происходит, но протерев глаза увидел – Лок говорил со звездой. Со стороны это могло показаться бормотанием сумасшедшего. Но Кес провел достаточно времени с этим человеком, чтобы понимать, Лок говорит о важном лишь с тем, кто источает свет.

Зная из опыта, что сейчас он сможет прикоснуться, дотянуться до преддверия мудрости, заглянуть под полог занавеса, скрывающего тайны бытия, Кес достал из походного мешка бумагу и совиное перо. Почему именно совиное? Ему всегда казалось, что сова несёт в себе мудрость. Не потому, что живет долго, и даже не потому, что голова её крутится так, что она может взглянуть через левое плечо на правое. А потому, что ей не нужно много света, чтобы видеть. Итак, Кес достал перо и стал записывать слова Лока.

Я ненадолго отвлекусь от истории, рассказанной ветром, и погорю с тобой, Элли, для которой я пишу эту сказку. Тебе могут показаться непонятными некоторые слова Лока, но те фразы, которые врежутся в твою память, будут словно из-под толици воды напоминать о себе во время твоего путешествия по жизненному пути. И когда-нибудь, в самый неожиданный или непростой момент, раскроются как по волшебству и укажут направление, подскажут ответ или дадут ключи к запертым дверям. Со мной так было, будет и с тобой, ведь ты уже сейчас удивительно умная и прекрасная читательница сказок. Тебе интересно, о чем Лок говорил со звездой? Тогда слушай.

Глядя в ночное небо, Лок медленно перебирал в пальцах четки. Отблески костра играли на его одеждах, и тени плясали вокруг неподвижной фигуры переписчика старых свитков. Он говорил, а свет звезд отражался в его глазах.

«Сегодня я увидел заросший пруд с прекрасными лилиями. Мне захотелось запечатлеть их для тебя, но, когда я подошел к берегу, вспомнил, что оставил холсты и краски на другой стороне. Тогда я решил запомнить нежные цвета и оттенки, чтобы рассказать тебе о них. Я наслаждался их красотой, и вдруг понял, что будь при мне кисти, я бы увлекся рисованием и не увидел тех смыслов и переливов, той красоты, которые доступны лишь глазу, отвлеченному от любой иной деятельности и от любого стремления. Смысл прекрасного открывается, когда ничего не нужно менять.

Затем мой взгляд скользнул по отражению лилии в воде, и я увидел себя. Хотя вернее будет сказать, что увидел я не себя, а человека, забывшего краски и холсты. А так как ум мой был настроен на философский лад, мысли потекли, как горные ручейки, обгоняя друг друга.

Я думал об отражениях и целях. На водную гладь часто глядят как на зеркало. А в зеркале отражается лишь то, что перед ним. Одни люди более других заражены неведением. Они не понимают, что видят лишь себя в зеркальном отражении. Им не нравится то, что они видят, это не соответствует их целям. Тогда они требуют, угрожают и манипулируют подручными средствами, чтобы зеркало изменилось, стало удобным. Но разве зеркало можно изменить. Меняется лишь отражение. Тогда недовольные начинают бросать камни, стремясь разбить зеркало. Но и в осколках отражаются лишь их гневные недовольные лица.

Другие лицемерят и врут, видя в зеркале подобного себе актера. Они извиваются как змеи перед своим отражением, и видят то наивного дурачка, то родственную душу. Но что врал и лицемер надеется увидеть иного в зеркале? Они понимают, что перед ними зеркало, но суть его для них сокрыта.

Есть и третьи, которые видят за отражением воду. Этим открыты некоторые секреты, они не заигрывают с зеркалом, они говорят с водой. Им доступно, что в глубине есть движение, множество потоков и воронок. И они хотят управлять водой. У них тоже есть цели. Они знают, что вода расступится перед камнем и сомкнется вновь, похоронив брошенное на дне. Тогда они строят плотины и дамбы на реке, требуя, чтобы она работала на них. И пока они требуют немного, они получают искомое. Но попробуй перекрыть реке ход её вод чуть больше, и она выйдет из берегов, затопляя прибрежные города. Если ты великий маг и способен испарить океан, укроешься ли ты от потоков, которые обрушатся на тебя с небес? Готов ли ты к потокам и грозам, вызванным твоими действиями? А к засухам и заболачиванию полей? И снова ты глядишь на свое отражение, которое все также не соответствует твоим целям. Посмотри на это моими глазами, и ты рассмеёшься. Ведь это действительно довольно забавно.

Есть еще другие люди, которые видят в воде лишь воду. А в отражении – отражения. И чем сложнее и глубже смотрящий, тем больше он видит. Иногда у меня получается смотреть так, и я расскажу тебе, что вижу я.

Один из величайших учителей, о ком я слышал, говорил, что если перестать сотрясать стакан, вода успокоится, муть осядет, и ты увидишь и глубину, и свое отражение, если захочешь. Многие его ученики ищут этого постоянного спокойствия воды, и оно по истине великолепно. Но всегда ли ты хочешь штиля? Если бы воде было необходимо всегда оставаться спокойной, могли бы мы любоваться пеной приливных волн, мощью бушующих морей, журчаньем ручьев и грохотом горных рек. Раздувались бы паруса яхт? Ведь не может быть на море ветра без волн. А дожди? Тёплые летние дожди. Или ливни в сверкании молний. Хотела бы ты отказаться от всего этого ради постоянного спокойствия? Ради того, чтобы вода стала удобной? Я знаю, что нет.

Иногда, когда я смотрю в спокойную воду, я вижу свое отражение. Когда получается, я заглядываю глубже, прямо в глаза и вижу свет. Ты тоже его видишь, я знаю. Но понимаешь ли ты его природу, прекрасная звезда? Ведь тот свет – отражение твоего сияния. Угаснет твой свет, моим глазам нечего станет отражать, и они угаснут тоже. Все, что ты видишь во мне свет-

лого и прекрасного – твое отражение. И ни брошенные камни, ни старания магов, не изменят света в моих глазах, пока ты смотришь на меня так.

Об этом я думал у заросшего пруда, глядя на лилии. Но, раз уж я забыл и кисти, и холсты, я пошел дальше, по чуть видной, неизвестно кем протоптанной тропинке. Вскоре она и вовсе исчезла. Почва под ногами стала болотистой, а прибрежные травы сменились колючими кустарниками и выюнами. Один из них обвинил мою обнаженную голень и впился острыми шипами в кожу. Умно было бы отступить, освободиться от выюна и пойти назад по той же тропинке. Но я не пошёл. Вместо этого, я, ободрив ноги о колючки и вымазав их в грязи, пробрался сквозь заросли, и подошёл к ручью, преградившему мне путь. Найдя брод, я перешел на другую сторону и вышел на дорогу. По ней я вернулся за холстами.

Ты спросишь меня, в чем смысл? Да, я омыл ноги в ручье, стерев грязь и кровь из царапин, а также забрал оставленные кисти и краски. Но, если бы я вернулся по тропе, то мне не пришлось бы ни мыться, ни терять силы, ни мокнуть в ручье. Это было бы логично. Но что, в таком случае, я мог бы тебе рассказать? Ведь на той тропе не было уже ничего нового, и она ничему больше не учила.

Знаешь, я думаю, что дело не в царапинах, не в том, что умно или даже логично. Каждый шаг на новой дороге подобен сотне учителей. В движении травы, в падающем с дерева листе, в порхании бабочки, в суе муравьев, во всем этом разлита мудрость. Там можно узнать много больше, чем в речах занудных учителей. Нет, в их словах, конечно, есть знания. Эти знания они взяли от своих учителей, те приняли от своих. И так дальше, дальше назад, к истокам. А началось все здесь, среди трав и суеты живого мира. Здесь есть все, если уметь смотреть. Конечно, знания учителей стоит принимать с благодарностью, ведь они отшлифованы сотнями и сотнями умов, им предшествующих. Но когда их учения противоречат тому, что ты чувствуешь, видишь вокруг, если они запирают твое горячее сердце и заставляют твой ум зевать – усомнись. Любой учитель – человек. А человеку свойственно обрамлять знания в обод суждений, основанных на личностных предпочтениях. Зная, что ночью в пустыне холодно, очень холодно, по сравнению с дневной жарой, один учитель откажется задержаться там до темна, другой же останется на сорок дней. Кто-то проводит в пустыне годы, а кто-то и вовсе живет там всегда. И все знают, что ночью в пустыне очень холодно.

Я не стремлюсь задерживаться в ночи, не ищу тьмы. Но в жаркие дни я не вижу твоего света. И если ты не можешь радовать меня своими лучами на светлом небе, я буду искать мрак.

Глава 3

Декабрьское (майское) солнце клонилось к закату. Но бетон ступеней у подножья храма еще хранил тепло горячих лучей. Я слушал ветер, иногда проваливаясь в сладкую дремоту, а чаще блуждая в тумане собственных переживаний и мыслей, переосмысливая и рассказывая самому себе повесть своей жизни. Сначала это был целый ворох историй, похожих на засушенные между страницами книг листья деревьев. И мне казалось, что их обязательно нужно рассказать, каждую в отдельности. Меня так и толкало изнутри перебить завывания ветра и осыпать его моим гербарием. Но мало-помалу истории стали связываться между собой новыми смыслами, переплетаться общими идеями, и в конце концов слились воедино, озарив меня новым, почти еще незнакомым знанием о себе. Пока я думал, я становился то совсем ребенком, то глубоким стариком, мир разрывал границы вселенной и сжимался в точку, все было шатко, подвижно и в то же время поразительно стабильно. Это было настолько удивительно, что я едва было не забыл о ветре и его сказке.

– Ты слушаешь меня? – Подозрительно спросил он.

– Конечно, слушаю. – Улыбнулся я. – Как там Кес и Лок? Далеко ли им еще до храма?

Ветер колыхнул мои одежды, слегка коснулся щеки и зашептал мне в самое ухо продолжение истории.

Путники достигли храма глубокой ночью. Озаренные лунным светом ступени вели к величественному зданию, шпили и купола которого, казалось, пронзают темное полотно неба. Войдя через главные ворота и оставив позади большой освещенный горящими свечами зал, Лок указал на дверь в стене.

– Это теперь твоя келья, Кес. Возьми эти кисти и этот холст. Внутри ты найдешь подушку для медитаций. Оставайся здесь, пока не поймешь, где искать твой Искрящийся Океан. Или твою королеву. Что бы ты ни искал, оставайся в келье и ничего не бойся.

Кес пожал плечами – чего ему тут бояться. Помещение было небольшим, но вполне уютным. В окно, в противоположной от двери стене, залетал ветерок, шевеля занавески, да виднелся краешек лунного диска. Кес скинул обувь с усталых ног, завалился на кровать и тут же уснул.

Ближе к утру, когда солнце еще не раскрасило горизонт, но небо уже не казалось непроглядно черным, Кес проснулся. Снов он не помнил почти никогда, но чувствовал, что они были. И догадывался, какие именно. Чувствовал он себя отвратительно. Он не сразу понял, что к чему. Но когда на следующее утро все повторилось, а затем и на следующее, Кес догадался, что духи приходят терзать его душу и ум. А еще через пару дней он стал слышать и даже видеть тех, кто приходит.

Сначала это было мучительно. Потом Кес стал играть в их игры, замечая и отгадывая, откуда они шепчут и чего хотят. Наверное, таков был его метод противостоять им. Может быть. Но так ему было немного легче. Кес не выбирал этот путь. Просто он был таким по своей сути. Да, он не хотел меняться. Но захоти он, у него всё равно бы не получилось. Его били, он отвечал. По-другому он просто не умел.

Духи, призраки и мелкие бесы суетились вокруг него теперь уже почти постоянно. Кроме того, просыпались и поднимали головы его внутренние монстры, которые всегда были с ним, но почти всегда спали. И пока Кес отбивался от осаждающих его бесов, основная борьба шла внутри него самого, с его собственными демонами.

Поначалу, (если честно, то очень долго) всё это сильно изматывало Кеса. Возможно, по нему не всё было заметно. Может быть, ему даже удавалось не показывать почти ничего из происходящего внутри его души, ума и тела. Но сам себя он видел шатающимся от усталости и пьяным от ядов, проникающих в его сознание. Когда днем бесы отступали ненадолго,

Кес восстанавливал силы и чистил ум, как умел, как когда-то научился. А вечером он уже готовился к новым атакам.

Так прошло много дней, недель и месяцев. Но в один из особенно сложных моментов Кесу удалось повергнуть одного из собственных монстров. Рухнув со страшным грохотом и воем, этот исполин ободрал и обрушил какие-то стены внутренней тюрьмы Кеса, попутно придавив пару суесящихся вокруг бесов. Именно тогда Кес понял, зачем ему это нужно. Нет, это не было причиной всего происходящего. Но это оказалось ответом на его собственное «для чего». С того момента даже самые тяжёлые битвы приобрели смысл. Теперь Кес знал, куда идёт в этой войне и зачем. Да, он видел и слышал, чего хотят бесы, о чем заботятся другие голоса. Какие-то из них желали его гибели, другие стремились поддержать или направить куда-то. Но теперь это было не важно.

С каждым умирающим демоном Кес словно оживал. И возня приходящих духов в такие моменты переставала раздражать и даже казалась забавной. Конечно, среди мелких бесов бродили и весьма солидные черти, может быть, даже диаволы. Но куда им было до монстров, живущих внутри.

Кес ругал осаждающих его. Иногда изрыгал проклятья, случалось (и довольно часто) издевался над атакующими. Но взор его теперь не отрываясь следил за демонами и призраками, грозящими разорвать его изнутри. И чем больше этих монстров падало к ногам Кеса, тем меньше его заботила окружающая суета.

– Ты плакса! – Надменно кричал ему чёрт.

– Да, теперь я могу плакать, если мне этого хочется. – Думал Кес.

– Ты клоун! – Визжал мелкий бесенок.

– Да, я могу смеяться, когда мне смешно. Даже если я смеюсь над чем-то важным и ценным для вас.

– Ты недостойн трона! – Пищали голоса.

– Возможно. Но хочу ли я трон бесов и чертей? Что я буду делать с ним? Растить новых монстров в душе? Я этого не хочу.

– Ты первый! Ты третий! Ты победил! Ты проиграл! – Голосили они на разные лады.

– В вашей игре? Но я занят своими битвами. И кто может знать, что происходит на тех полях сражений, куда вы не можете заглянуть?

– Ты предал нас! Ты помог нам! Ты... Ты... Ты...

– Я даже не понимаю, о чем вы говорите. Но это не так важно, как то, что я и не хочу этого знать.

– Твоя королева ушла... пришла... ждет... вышла за муж... родила ребенка... снова ждет...

– Возможно это было бы правдой, если бы я оставался слугой. Но у меня нет королевы, равно как и короля со всей его свитой, отца, матери и даже кривляющихся богов.

– Мы заберем у тебя всё!!!

– Но у меня ничего нет. Что вы можете отобрать у того, кто сам отдал всё, во имя иллюзий, клятв и долга?

– Отдай нам половину!

– Половину чего? Мне принадлежит лишь моя свобода, за которую я продолжаю биться со своими демонами. Зачем она вам? Вам не нужна свобода. Вам нужны короли, трон, всё, что угодно, но не свобода. Да и сам я лишь на пути к ней. А отдать пусть и половину того, что никогда не было моим, не в моей власти. Да и не хочу я ничего вам давать. Пусть уж лучше лежит там, где лежит, что бы это ни было.

Так думал, чувствовал, жил Кес. И даже захоти он это изменить, от него оно не зависело.

Но пока шла эта внутренняя война и внешняя возня, происходило что-то более важное. Бесы, черти, демоны и монстры, терзая душу Кеса, отрывая от неё куски и впиваясь в неж-

ную плоть, сами того не желая, обрушали стены и рвали цепи, связывающие его. С какого-то момента, чем больше от него отгрызали, тем свободнее он становился. А потом, совсем тихо и незаметно, обломки упавших стен стала покрывать вода.

Сначала Кес не понял, что это. Он просто не узнал того, что искал. Пока вдруг не услышал звон сотен маленьких колокольчиков. Кес смотрел на прибывающую воду и улыбался.

Почуввав неладное, из стены кельи выглянул мелкий бес и закричал:

– Он всё врёт! Мы читали его мысли!

Тогда в келью вошёл хромой чёрт в белой тоге и заговорил с Кесом.

– Зачем ты заставляешь нас думать о тебе то одно, то другое? Пусть, это была не прямая ложь. Но ты не был искренен с нами.

– Зачем же мне откровенничать с бесами и чертями? Лишь для того, чтобы облегчить вам вашу работу? Имеющий уши услышит, а имеющий глаза увидит. Правд много, даже у одного меня. А истину словами не рассказать. – Отвечал Кес, молча удивляясь белизне одежд хромого чёрта.

– И всё же, ответь, зачем вводил нас в заблуждение?

– В чём именно?

– Ты не хотел рассказать нам свою историю. – Сказал чёрт.

– Моя история видна как на ладони для того, кто хочет её увидеть. То, что ищите во мне вы, сложно найти. Просто потому, что во мне этого нет. Или почти нет. Или когда-то могло быть, но так и не случилось.

– Ты снова говоришь загадками.

– Тогда спроси прямо. – Кес заскучал.

– Хорошо. Из последнего. Ты веришь, что твоя королева неверна тебе или нет?

– У меня нет королевы. Та, кого я хотел бы встретить, ничего мне не должна. Но она и не обманула бы меня. Конечно, я не верю вам. Было бы смешно доверять бесам. Но если бы я усомнился хоть на минуту, что я зря доверяю ей, я бы уже давно шёл в другую сторону.

– Но ведь вероятность такая есть. – Не отставал чёрт.

– Та, кого я хотел бы встретить, не имеет тех минусов, которые не примет моя душа. Если в королеве... в человеке, которого я жду, они есть, то я жду не её.

С этими словами хромой чёрт взмахнул рукой, и бесы обернулись прекрасными женщинами. Они заигрывали с Кесом, заглядывали в глаза, манили и подмигивали на разные лады. Другие же бесы стали нащёптывать ему в самые уши:

– Докажи, что ты мужчина. Покажи всем, что ты можешь. Не будь смешным. Не будь монахом. Не оскорбляй чувств желающих тебя женщин!

И снова заговорил хромой:

– Для чего ты хранишь верность той, кто даже не интересуется твоей жизнью. Той, которая не хочет сделать и шага тебе навстречу. Той, которая, возможно, уже давно с другим или с другими.

– Я храню верность не ей, а себе. Твои слова о ней говорят мне только о твоих качествах, не о её. Но, даже если бы они были правдой, разве не сделал я свой выбор и не принял своё решение задолго до встречи с ней? Что бы вы ни шептали мне, что бы она ни делала, я решил дождаться человека, которого примет моя душа. Да и в ваших красавицах слишком уж проступают черты мелких бесов.

– А твои слова! Ты же ругаешь и проклинаешь её почём зря! Что ты на это скажешь? – Возмутился старый чёрт.

Кес рассмеялся:

– Я ругаю тот образ, который притащили мне вы. Это очень забавно, смотреть, как кривятся ваши лица. Ведь та, которую вы описываете мне, вам дорога. И моя вера не запрещает

возвращать полученную боль. Та же, кого жду я, мои слова на свой счёт не примет. Да и вы не побежите ей рассказывать. Потому что та, кого я жду, не будет слушать чертей.

– А твоя история? Зачем ты заставлял нас видеть тебя то распутником, то разбойником, то вором, то предателем? – Чёрт казался всё более мрачным и деловым.

– А почему нет? – Снова улыбнулся Кес. – Ведь вы с таким вдохновением показываете свои истинные лица, когда вам кажется, что собеседник ваш грешен более, чем вы сами. Мне не интересны те, кто верит лишь словам, видит лишь глазами и думает так, как его научили в вашей бесовской школе. И только так можно узнать смотрящего сердцем. Да и, честно говоря, это бывает довольно весело, смотреть как черти строят из себя непорочных судей и раздуваются от собственного ханжества.

– То есть, ты не отрицаешь того, что ты нечестен с нами?

– Не отрицаю. – Весело сказал Кес.

Хромой чёрт в белой тоге поднял палец кверху, и со всех сторон понеслись крики:

– Виновен!

Чёрт снова взмахнул рукой, и все утихли.

– Тогда ответь на другой вопрос. Мы чертим знаки, указывающие тебе путь к выходу из твоего заточения. Но ты идёшь как пьяный или сумасшедший. То ты следуешь указаниям, то идёшь в совсем другом направлении. Ты что, не понимаешь нас? Или снова дурачишь?

– Я не хожу по вашим знакам, хоть и вижу их. Иногда мой путь совпадает с указанным вами, иногда нет. Бывает, мне интересно, что вы там придумывали, а случается, и довольно часто, мне скучно и хочется уединения. Бывает и так, что мне хочется играть. И тогда я играю. Но по большей части мне хотелось бы никогда вас не видеть и не слышать вашего шёпота. Слишком уж прозрачно то, чего вы действительно хотите. И, раз уж, избавиться от вас пока не получается, я делаю то, чего мне хочется в данный момент. Ведь даже в словах бесов можно встретить интересные мысли.

– Ты признаёшь, что наши слова бывают мудры?

– Слова сами по себе мудрыми быть не могут. Ведь, даже повторяя слово в слово мысль мудреца, немудрый не чувствует, когда и как эти слова говорить. И это очень заметно, если смотреть и слушать сердцем. Натянув на себя шкуру льва, шакал львом не становится. Уже ли ты, хромой чёрт, сам не замечаешь такую подмену?

Кес подмигнул чёрту, и тот немного растаял от услышанной лести. Конечно, он считал себя достаточно умным, чтобы не спутать шакала со львом. Он даже не стал поднимать палец кверху и шикнул на нетерпеливого бесёнка, завизжавшего «виновен!».

– Среди голосов, шепчущих тебе советы, были и довольно мудрые и опытные учителя. Почему же ты не выказываешь уважения им или хотя бы их мудрости? – Продолжил допрос чёрт в тоге, которая несколько посерела с начала беседы.

– Что же эти учителя делают здесь, в келье полной бесов, да к тому же придя без приглашения? Уже ли учителя мудрости и правильной жизни сами могут попирать основы своего учения? Нельзя быть наполовину честным. Ты либо верен своему учению, либо обманщик настолько хитрый, что обманул самого себя. И потом, я давно нашёл своего учителя. Его мудрости я пытаюсь следовать на своем пути. – Кес чуть помрачнел, вспомнив, как уже стар его учитель, как давно он его не видел, и что, возможно, уже не увидит. Но он отогнал от себя эти мысли и снова улыбнулся хромоту.

– Ты неблагодарный человек. Они желают тебе добра. – Хмуро и назидательно произнёс чёрт.

– Откуда же они знают, что для меня добро, а что зло? – Удивлённо вскинул брови Кес. – Ведь никто из них не захотел поговорить со мной. Меня учили, судили и лечили на основании слухов и басен, часть которых, признаюсь, сам я и распустил. Но кто я? Простой узник кельи. А они претендуют на мудрость, опытность и даже величие. Если уж это не забавно, то смеяться

совсем не придётся. Да и разве это не самая расхожая поговорка о вашем мире: благими намерениями дорога в ад вымощена?

– Ты не уважаешь ни возраст, ни опыт! – Вскричал чёрт.

– Я уважаю при встрече каждого настолько, насколько уважаю себя. И настолько, насколько он уважает меня. А статусов и послужных лет не уважаю, нет. Тут ты прав.

– Виновен! – Вновь раздалось из всех углов. В этот раз гомон долго не затихал. Ещё бы, ведь Кес задел присутствующих за самое больное – социальный статус.

– Следующая статья обвинения... – Начал было хромой. Но Кес перебил его:

– Так всё-таки это суд?

– Следующая статья – неумение слушать. Ты говоришь о себе так много, что нам иногда кажется, что твоим историям не будет конца. Ты перебиваешь собеседников. Ты самовлюблённый павлин!

– Тут спорить не стану. – Кес виновато покачал головой. – Мне и правда скучно слушать кривляющихся бесов, лжецов, псевдомудрецов и откровенных дураков. Может, я и сам не семи пядей во лбу. Но дослушивать до конца мысль, которую понял до того, как ты открыл рот, сложно. Для этого нужно сильно хотеть не обидеть собеседника. Ни бесы, ни черти такого желания у меня не вызывают. Историй я могу насочинять столько, сколько вместят ваши уши. Иди, гадай, что было взаправду, что я подглядел, а что случилось лишь в моём воображении. Чем больше историй, тем прозрачнее слушатель. А что до павлина, ты прав. Уж лучше пусть бесы смотрят на мой хвост, чем я буду восхищаться вашими мордами». – И тут Кес расхохотался, глядя на недовольные физиономии чертей и бесов.

Кто-то снова завизжал «виновен!», но тут в центр кельи вышел диавол в безупречном костюме и со снисходительной улыбкой на властном лице. Стены комнаты разъехались в стороны, потолок ушёл вверх, а пол покрыла мутная вода. За вошедшим появились ещё несколько таких же солидных демонов. Все они были одеты дорого, с блеском и со вкусом. На золотых украшениях змеились древние символы и гербы знатных родов. Первый заговорил:

– Ты понимаешь наш язык. Ты дурачишь моих бесов. У меня есть предложение для тебя.

– Мне не интересны предложения чертей. – Устало ответил Кес.

– Ты говоришь не с чёртом, а с диаволом.

– Я в ваших статусах не разбираюсь. Для меня вы все на одно лицо.

– Диаволы обладают силой и мощью. В наших силах мучать тебя ещё очень долго. Почему ты упорствуешь, непокорный? – Диавол говорил вкрадчиво и спокойно, словно старый друг или старший товарищ.

– Я знаю, что ты обладаешь определённой силой. И в твоём ремесле я не сомневаюсь. Но... погляди себе под ноги.

Диавол неспешно отвёл глаза от Кеса и взглянул вниз. Мутная вода доходила ему до щиколоток. На её волнах качались и переворачивались корабли, уходя на дно или разбиваясь об идеальные стрелки дорогих брюк диавола. В этом бушующем море он был царём, разящим трезубцем для забавы или во имя какой-либо выгоды.

– Я бог этих вод! – сказал демон, снова посмотрев на Кеса.

– Ты стоишь на мелководье и повелеваешь болотом. Но за твоей спиной бездонный океан. Обернись, и ты поймёшь причину моего отказа.

– Я догадываюсь, о чём ты говоришь. – С усмешкой промолвил диавол. – Но в реальном мире твой океан трудно достижим. В моём же болоте, как ты говоришь, ты мог бы быть богат. Мне быгодились твои способности. И главное, у тебя будет определённая власть. Что ещё нужно для счастья? Женщины? С этим проблем тоже не будет».

– Обернись. – Снова вымолвил Кес.

Диавол не пошевелился. Тогда Кес продолжил.

– Твои бесы никогда не поймут моих слов. Но ты знаешь, о чём я говорю. И обернуться ты не хочешь лишь потому, что после уже не сможешь не замечать, что стоишь по колено в болоте. Это твой выбор. Я никак его не оцениваю и не сужу. Но я уже давно смотрю на океан. Слишком дорогую цену ты просишь за своё предложение. Я бы рассмеялся тебе в лицо, но вижу, ты понимаешь, что свой выбор я тоже уже сделал.

– А ты не боишься ошибиться? Ведь та, кого ты ждёшь, может быть, совсем тебе не подходит. Ведь ты уже бывал разочарован. Не так ли, Кес?

– Ты снова хочешь запутать меня. Ты мастер в этом деле. Но я выбрал не её, а путь, ведущий к Искрящемуся океану. Я не знаю, примет ли он меня. Я не знаю, примет ли он её, если она придёт. Но я уже выбрал.

– Ты хочешь сказать, что откажешься от даров, от трона, от женщины, о которой мечтал так долго? Я тебе не верю! – Дьявол скорчил гримасу, подтверждая своё недоверие.

– Ты не хочешь слушать меня, хотя и можешь понять мои слова, в отличие от этих бесов и чертей. Ты спрашиваешь, не нужны ли мне деньги? Они нужны всем. Но для некоторых важно, как они придут и чем придётся заплатить. Я с лихвой поел унижений и издевательств, чтобы согласиться на то, от чего отвернётся моя душа.

– Так от чего ты отказываешься, я не пойму. От неё? От богатств? От работы? – Дьявол загибал пальцы с идеальным маникюром.

– Я не знаю её. Пройдёт время, пока мы поймём, не ошиблись ли мы. И если ошиблись, я не останусь из долга или выгоды. Никто не знает будущего. Единственное, что я могу обещать сейчас, выслушать её сердцем и не противиться ему, что бы оно ни решило.

– Но ты ведь столько всего говорил моим бесам о своих планах и желаниях.

Черт не успел договорить, потому что Кес снова услышал звон сотен маленьких колокольчиков и отвернулся, ища взглядом Искрящийся океан. А потом он услышал голос. Впервые Кес услышал, как говорит Океан. И голос его показался Кесу удивительно знакомым, словно это был давний близкий друг.

– Ты можешь ответить на его вопрос. – Сказал Океан.

Кес не нашел его глазами. Теперь Океан был незрим и в то же время он был везде.

– Я не хочу ничего ему отвечать. – Наконец произнес Кес.

– Ответь мне. – Теперь голос напоминал легкий бриз и шум ветра в сосновых кронах.

– Ответить тебе на его вопрос? Я не верю в слова. Они слишком наполнены разными смыслами и в то же время пусты. Любое слово может означать что угодно и одновременно ничего не значить. Слова пусты, говорят лишь поступки.

– Слова тоже могут быть поступком. – Прошумел прибоем Океан.

– Да, могут. Если они сказаны лично. Или если говорящий вкладывает в свои слова силу поступка, имеет цель изменить что-то в жизни, в человеке, в мире. Во зло или в добро. Но только мне кажется, что не сами слова важны, а стремление того, кто говорит, его чувства и желания, тайные или явные. Они наполняют слова и делают их осязаемыми, они придают им смысл и значение. Одно и то же слово может убить или воскресить. Потому, что слово – лишь упаковка. Лжец прячет за ними неудобную правду, подлец – желание остаться безнаказанным за содеянное, хитрец – страх открытого противостояния. Поэт тщится выразить через них душевные терзания, учитель – мудрость, писатель – опыт и мысли. И всё это – одними и теми же словами. Слова пусты, я не верю в слова. Только в поступки.

– Твоя келья переполнена словами. Что ты делаешь здесь? – Сейчас голос Океана был похож на грохот волн, разбивающихся о скалы.

– Ищу тебя. И себя. Тишину и истину. Учусь видеть пустоту слов и правду поступков. Просто иду по своему пути.

– И куда ведет твой путь? – Прошумел Океан, ворочая прибрежную гальку.

– Я не знаю. Да и зачем идти туда, куда знаешь? Ведь так ничего интересного не найдешь, не поймешь, не узнаешь. Я лишь умею переставлять ноги и оставаться на выбранной тропе. А куда она ведет и насколько длинна, мне не ведомо. Да и не хочу я этого знать. – Кес улыбнулся своим мыслям.

– Во что ты веришь? – Океан пеной прошуршал по мокрому песку, переворачивая мелкие ракушки.

– В любовь, в справедливость, в силу искренних порывов. И в то, что мир не таков, как говорят мне черти. Ну, их мирок – может быть. Но я верю, что честь и верность, честность и доброта никуда не исчезнут, пока есть те, для кого они важны. Пока кто-то готов выбирать такой путь и сохранять всё это в себе. Просто для того, чтобы мир не стал болотом полным бесов. Пока хоть один человек не согласен с их правдой, белое не станет чёрным. А таких людей очень много. Это никогда не изменится. И это не иллюзии. В это я верю.

– Долго ты меня искал? – Спросил Океан.

– Всю жизнь.

– Сейчас ты понял, где я?

– Везде вокруг меня. И во мне. Ты – всё. Просто это нужно понять. Искать нужно в себе. Когда это понимаешь, тогда ты приходишь. – Кес договорил эти слова и почувствовал, как волны подхватывают его и уносят куда-то далеко от кельи старого храма.

– Последний вопрос, – сквозь шум волн услышал Кес голос Океана. – Что ты сделаешь, когда встретишь её?

– Расскажу ей о тебе. – Кес в последний раз взглянул в сторону храма. Там, в солёных волнах растворилась и келья, и бесы, и их адское болото. Ещё мгновение, и не осталось ничего от прошлого. Вокруг был только он, Искрящийся Океан.

Над храмом Святого Сердца возшла луна. Ступени сосем остыли, ночная прохлада освежала и мысли стали ясными и светлыми.

– Кес дождался свою королеву? – Спросил я. – Он показал ей Океан?

Ветер лёгким вихрем обернулся вокруг меня.

– А как бы ты хотел? – Спросил он немного лукаво.

– Я люблю счастливые завершения историй. – Просто ответил я.

– А ты бы дождался? – Снова прошелестел ветер неся откуда-то опавшие листья.

– Свою мечту? – Я задумался на мгновение. – Да, дождался бы. Ведь это единственное, что имеет значение.

– Тогда ты знаешь ответ на свой вопрос. – Сказал ветер.

– И что было дальше?

– Дальше – это уже другая история. История только их двоих. – С этими словами ветер взмыл вверх и понёсся над городом, разбрасывая цветные листья между загоравшихся в небе звезд.

Я поднялся со ступеней, взглянул ещё раз на храм и пошёл домой, унося с собой удивительную историю. Историю об Искрящемся Океане.

Сказка Дождя

Пролог

Если вы – счастливый обладатель лысой или бритой головы, а особенно, когда вам принадлежит и то, и другое одновременно, вы непременно должны время от времени выгуливать эту голову под дождём непокрытой. Пусть плачущее небо коснется кожи, пощекочет макушку, запутается каплями в бровях. Если же вам повезло сохранить пышные волосы до подросткового, зрелого или даже преклонного возраста, оголите запястья. Поверните их к небу, доверьтесь ему, пусть оно поговорит с вами.

Хорошо, если вам довелось проснуться воскресным утром, часов около семи, вблизи водоёма или городского канала, наскоро перекусить и, отправившись на прогулку, встретить дождь. Почти наверняка, в такое время вам не попадетсся навстречу никого, кроме отчаянных бегунов и серых осиротевших гусей её величества. Разве что пара уток и укутанных с ног до головы собачников. Словом, тех, кто говорит с дождём на одном языке.

Прогуливаясь вдоль воды, поднимите глаза чуть выше разбросанных незадачливыми горожанами пивных бутылок и пластиковых пакетов, и вам откроются прекрасные виды и нерассказанные истории. Среди ухоженных двори́ков и беседок с давно провалившимися крышами, странноватых по восточным меркам детских сади́ков и одиноких скамеек, прячутся тайны и сказки. И если вы готовы слушать, дождь обязательно расскажет их вам.

Когда капли превратятся в ручейки за вашими ушами, найдите дуб с раскидистой кроной, склонившуюся над каналом иву или навалившуюся на дощатый забор лиственницу, укройтесь в её сени и прислушайтесь. Сначала появится рокот дождя. Затем вы начнёте различать плеск упавших в воду капель, барабанную дробь асфальта и стук по опавшим листьям. А потом произойдёт чудо, и ваш слух сможет уловить, как разбившиеся капли разлетаются веером мелких брызг, выводя удивительную неповторимую мелодию. Именно тогда можно задавать небу любые вопросы и слушать, как оно говорит дождём.

В точно такое утро, я прогуливался вдоль одного из Манчестерских каналов в районе Тэймсайда. Неожиданно для себя, кроме гусей и бегунов, я повстречал нескольких одомашненных уток. Одна, совершенно чёрная, от клюва до перепончатых лапок, и с белым пятном на груди, посмотрела на меня с хитрецей и крякнула.

– Пардон, что вы сказали? – Переспросил я. – Не соблаговолите ли повторить?

Утка гордо вскинула голову и мотнула плечиком в сторону нависшей над забором пихты.

– Какой непонятливый. – Послышалось мне.

С уха за шиворот стекла струйка воды. Я нашёл место посуше и уселся под пихтой. Утка сделала красивый разворот, крякнула что-то напоследок, и тут я услышал дождь. Не то, чтобы я не слышал его до этого. Стук капель и шелест в листьях был со мной на протяжении всей прогулки. Но сейчас дождь заговорил на понятном языке. Или может быть, это я стал понимать его.

– Ты хочешь услышать историю об одиночестве? – Спросил он.

Я, несколько смущённый неожиданным началом беседы, пожал плечами.

– Хочу. Только я не вполне уверен, что понимаю, что это – одиночество.

– Что ж, – продолжал дождь. – Если это твой вопрос, тогда слушай.

1

На опушке сказочного леса, прямо под заросшей елками и дубами горкой, жил мальчик Вилли. Не на самой опушке, конечно. Кто-то когда-то построил там хутор с побеленными стенами и черепичной крышей. Посреди двора примостился бревенчатый колодец. Из хлева доносилось мычание и похрюкивание. А за конюшней резвились необъезженные кони. Ещё была клеть с сеновалом, дровяной склад и чуть поодаль, у пруда, небольшая банька.

Так случилось, что все обитатели хутора, кроме Вилли, говорили на «другом» языке. Не то, что бы он совсем их не понимал. Просто не понимал многого. И ещё большего не мог на этом языке сказать. Обходился он парой слов, которыми мог выразить согласие или несогласие. Да ещё мог поблагодарить.

У Вилли, конечно, был и свой язык. И местные этот язык понимали. Только почему-то не хотели на нём говорить. А Вилли предпочитал вообще не разговаривать. Рано утром он уходил бродить в лес, на дорогу или к речке за полем, а возвращался вечером.

О, это были удивительные лес, река и поле. Они были живыми. Не в том смысле, что всё в природе так или иначе несёт в себе жизнь. Хотя это, конечно, тоже. Но с ними можно было говорить, и они отвечали. С ними можно было играть, радоваться, грустить и даже молчать. Последнее вообще мало с кем можно. С ними это было легко.

А ещё там можно было проживать сотни и тысячи волшебных приключений. Орешник позволял Вилли делать из своих ветвей луки, копыя и стрелы – оружие для сражений с корнями поваленных деревьев. Конечно, это были никакие не корни, а самые настоящие драконы и монстры. Дубы и липы подставляли свои могучие кроны, чтобы Вилли мог стать скалолазом, или индейцем из племени «живущих на деревьях», или потерянным английским лордом – королём джунглей. Стога сена на полях превращались в бизонов, убегающих от индейских стрел. А когда шёл дождь, они становились домами и замками.

Река всегда что-то рассказывала. О мореплавателях и пиратских бригах, наводнениях и утопленных сокровищах, о далёких южных берегах и бредущих среди айсбергов ледоколах. А ещё она умела объяснять самые сложные вещи простыми словами. Именно она показала Вилли, что неизменность и непостоянство связаны в одно целое. И, что знать об этом легко, а понять бывает очень сложно. Почти так же сложно, как понять, что не понимаешь. С рекой не бывало скучно, ведь она никогда не повторялась.

Вилли любил реку. Ему нравилось сидеть на берегу и просто смотреть на её воды, наблюдать, как потоки переплетаются, словно локоны волос прекрасной женщины. Замечать стремнины и появляющиеся то здесь, то там маленькие водовороты. Иногда он следил за уносящимися вниз по течению листьями и лепестками цветов. Иной раз Вилли пытался угадать её глубину, представить, что скрывают её воды, заглянуть внутренним взором в её тайны и понять, о чём мечтает река. А она весело журчала, мерцала тысячами солнечных бликов и отражала плывущие в небе облака. Река была прекрасна, и Вилли был счастлив, глядя на неё.

Поле, оно дышало свободой и ветром, рисуя размашистыми мазками волны в высоких травах. Здесь хотелось или бежать, широко разведя руки и задрав лицо к небу, или лежать на спине и искать в этом небе образы диких животных. А ещё там, чуть в сторону от дороги, величаво покоился огромный одинокий валун. Днём он напивался солнечными лучами, становясь горячим и уютным. И Вилли, сидя на валуне с книгой в руках, часто зачитывался допоздна. Именно в этой «библиотеке» (так бабушка называла камень), Вилли узнал большинство историй, поразивших его детское воображение.

Словом, всё вокруг говорило с Вилли на одном языке. И это был самый понятный, удивительный и прекрасный язык в мире. Он и был миром, в котором жил Вилли.

Иногда, когда Вилл (так называл его крёстный) бывал недалеко от дома, он слышал, как бабушка зовёт его на обед. Тогда он бросал свои важные лесные дела и опрометью мчался через густые травы, сшибая на ходу лопухи и одуванчики. Или пшеничные колосья, если бежал через поле. Ближе к хутору он переходил на шаг и уже готовился, как будет отвечать, если его спросят о чём-нибудь на «другом» языке. И думал, как бы так прошмыгнуть за стол, чтобы его вообще ни о чём не спрашивали.

Случалось, что бабушка находила минутку между неизменными хлопотами по хозяйству, и заговаривала с Вилли на его языке. Тогда он слушал истории про Бога и притчи о людях. В эти редкие минуты Вилли становилось уютно и очень-очень интересно.

Ещё с ним разговаривал крёстный. Он хотел казаться строгим, но на самом деле, был добрым и веселым. Его истории, мистические и немного пугающие, Вилли тоже любил слушать. А показная строгость крёстного терялась в сиянии его смеющихся глаз.

У крёстного была сестра. Всегда занятая своими девичьими делами, она мало общалась с Вилли. Но в праздничные дни она придумывала что-нибудь забавное и всех развлекала. А ещё она наряжала котов и собак в смешные наряды.

Был на хуторе ещё один человек. Хромой и раздражительный, он никогда не разговаривал с Вилли ни на каком языке, и только ворчал, когда мальчик оказывался рядом. Он был отцом крёстного и мужем бабушки. Но дедушкой он не был никогда.

Однажды Вилли увидел, как хромой человек подковывал лошадь. Это был немолодой уже, чёрный конь с белой точкой посреди лба – Зубрис. Если перевести его имя с «другого» языка, получалось Зубр. Хромой приладил подковку к конскому копыту и уже было собрался вбить специальный гвоздик, похожий на клинышек, когда конь решил переставить ногу поудобнее. Тогда раздражённый человек несколько раз сильно ударил его молотком по бедру. Вилли не запомнил, что кричал хромой, но навсегда в его памяти остались глаза чёрного Зубра.

Вечером Вилл тихо, чтобы не заметил Хромой, прошмыгнул в конюшню. Зубриса он нашёл на его обычном месте, неподвижно стоящим в ворохе соломы. Конь не притронулся к вечерней порции сена, и грустно смотрел сквозь железные пруты загона.

– Как ты? – спросил Вилли.

Конь повёл головой в сторону, и кожа на ушибленном бедре судорожно заходила.

– Ещё болит? – Вилл погладил коня по тёплому мягкому носу.

Зубрис не ответил, лишь уставился на мальчика чёрными влажными глазами и фыркнул.

– Зубрис, ты ведь такой большой и сильный. Ты скачешь по полю, не замечая меня на своей спине, словно пушинку, прилипшую к седлу. Почему ты позволяешь этому человеку бить тебя? – Вилли разволновался, от чего его голос задрожал, а на глазах выступили слёзы.

– Неужели язык жестокости, на котором говорит Хромой, сильнее тебя? Разве может быть, чтобы это было так? Разве может сила таиться в молотке и ругани? Если так, то я хочу выучить язык силы, чтобы никто больше тебя не ударил! – В сердцах выпалил Вилли.

– Это твоё желание? – Послышалось Виллу.

– Да, это – моё желание. – Запальчиво ответил мальчик.

Конь захрапел и ударил копытом оземь. Вилли вдруг показалось, что где-то за лесом грянул раскат грома. Он ещё раз робко потянул руку, чтобы погладить Зубриса.

– Не бойся, всё будет хорошо. – Прошептал он, успокаивая коня. Хотя на самом деле, волновался он сам. Зубрис только всхрапнул, повернулся к яслям и стал жевать сено.

На следующий день Вилли почти позабыл о происшествии, и по обыкновению отправился гулять к реке. В этот раз он пошёл к деревянному мосту за дальним полем, где иногда рыбачил, примотав леску к ветке орешника. Хотя чаще, Вилл просто лежал на тёплых брёвнах и бросал камешки в воду, глядя, как разбегаются круги по речной глади.

Усевшись на краю моста и свесив ноги, он принялся весело болтать ими, рассказывая реке свои мальчишеские новости: сколько смешных жёлтых цыплят вылупилось у наседки, как сторожевой пёс Робис напугал велосипедиста, что тот напрочь позабыл, как срезать путь через хутор, что сегодня не было слышно, как хромой стучит своим молотком, по обыкновению выправляя косу после утреннего покоса. И тут он вспомнил про Зубриса.

Воспоминание расстроило Вилла, и он рассказал про Хромого и про своё желание. А когда он перегнулся через перила моста, высматривая, что река ему ответит, на дне что-то блеснуло. Вилли сбегал к берегу и выудил из воды большую белую пуговицу.

Под солнечными лучами пуговка отливала серебром и светилась. Вилли отер её о рубашку и сунул поглубже в карман. Выудив оттуда же монетку, он бросил её в реку. Это не была плата за подарок. Просто Вилли решил, пусть кто-то тоже порадует, когда увидит на дне скромное сокровище. Ведь это так просто, создавать маленькие приятные чудеса.

Вернувшись на хутор ближе к полудню, Вилл застал домашних молчаливыми и скорбными. Ночью Хромой захворал. Да так сильно, что до утра провалялся в горячке и, не дождавшись деревенского доктора, умер.

Теперь Хромой лежал посреди комнаты, на столе, в чёрном бархатном гробу. Лицо его было удивительно спокойным и впервые, как показалось Вилли, не злым. Хромой слабо улыбался и выглядел довольным смертью больше, чем бывал доволен жизнью.

Бабушка велела подойти попрощаться с покойным. Когда Вилл приблизился к гробу, к его ногам упала чёрная иголка, похожая на гвоздь от подковы. Вилли поднял её и сунул за отворот рукава своей рубашки. Прикоснуться к умершему он не решился.

На следующий день после похорон бабушка сказала, что Хромой приходил к ней во сне. Он был злой и требовал исполнить три его желания. Во-первых, ему была нужна коса, чтобы работать на покосе. Крёстный отнес косу на погост и закопал рядом с могилой.

Второе, что требовал Хромой, было выгнать со двора Зубриса.

– Не добрый конь, – говорил он. – Не место ему в моем доме.

Третьим желанием покойника было, чтобы Вилли больше никогда не появлялся на хуторе.

Бабушка, утирая слезы платком, собрала мальчику дорожный узелок, а крёстный привел из конюшни Зубриса. Вилли коротко попрощался с домашними, вскарабкался на коня и отправился, куда глаза глядят.

2

Знакомый лес приятно обнимал ароматами трав, касался кожи резными листьями, задевал низкими ветвями. Позади остались родные поля. Река с её журчащим голосом, петляя среди мшистых берегов, блеснула на прощание серебряной рябью. Вот уже и дальний лес, где Вилли бывал не часто, скрылся за спиной. А тропа всё вела их с Зубрисом дальше и дальше от хутора.

Когда солнце пряталось за макушками сосен, Вилли разводил костёр, привязывал коня на длинный повод, чтобы тому хватало травы до утра, и мастерил из веток шалаш. Сверху он набрасывал плащ, подаренный крёстным, укрывая временное жилище от дождя и ветра. А потом подолгу смотрел на звёзды на далёком чёрном небе.

Спустя семь дней Вилли выехал на мощёную дорогу, которая привела его напрямиком к городским воротам. Стражник скучающим голосом проворчал:

– Кто и зачем?

– Просто путник. Мне пришлось покинуть родной дом, и теперь я ищу ночлега и работу. Может быть, я найду их в вашем городе? – Сказал Вилли. Затем добавил на всякий случай, – я не вор и не разбойник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.